

КИНОСОЮЗ РАЗМЫШЛЯЕТ, ОБСУЖДАЕТ, СПОРТИТ

Разговор о главном

Почти все свои заседания секретариат правительства Союза кинематографистов СССР посвящал в последнее время организационным проблемам жизни обновляющегося кинематографа, внедрению новой модели.

И друг — «Современный человек в мире и мир человека»! Так сформулирована была тема обсуждения. Вдруг? Да нет, время прошло. Пора о главном речь вести — о художественном уровне выходящих и окончаемых лент, об их идеальной соотнесенности с социальными и духовными процессами, происходящими в стране и в мире, о качестве осмысливания жизни, какое демонстрируют новейшие произведения нашего кино, об уровне мастерства. Ведь ради этого собственно и происходит перестройка в кино.

Много шума из ничего

Заметки с внеочередного съезда кинематографистов Туркмении

Внеочередной съезд кинематографистов Туркмении привлек внимание общественности. В форуме участвовали ответственные работники ЦК Компартии, Совета Министров, республиканских и других организаций.

Сообщавшиеся высказывали два доклада. О состоянии дел в игровом кино говорил У. Саларов, о документалистике — Б. Аниабердьев. «Правила и условия этой игры», — сказал он, — никогда не записывались. Но они существовали. А заключались эти правила вот в чем: все должно быть как в кино, а не как в жизни. На экране должна восприниматься минимум реальность. Мы занимались обслуживанием ведомств, защищая их узкие интересы».

Илья, однако, что Аниабердьев не расшифровал это всеобщее, снимающее ответственность с каждого конкретного лица слово «мы», этого не назвал. Лишь однажды докладчик спустился на грязную землю киностудии, где работают молодые специалисты М. Алиев и ветеран студии А. Геокленов. Первый сразу снял документальную ленту, а второй, в любом отступлении от «наших» позиций, обнажил его картины вредной, клеветнической, позорящей республику. Союз кинематографистов отстоял работу М. Алиева. На Международном кинофестивале в Обергеймере программа советских фильмов, в числе которых была «История одного пробега», получила Гран при.

Саларов резко критиковал фильмы прошлых лет — «Утренние всадники», «Бастон», «Печальные новости любви», «Я пришла на свадьбу». Фильмы серии не вызывали зрительского интереса. Но и он «забылся», когда заговорил о том, что надо сделать сегодня, чтобы вывести туркменское кино на новую дорогу. Он перечислил задачи, которые... стояли на повестке дня и десять лет назад.

На съезде высступили почти все, кому хотелось высказаться. Ораторы говорили много, убежденно, но очень редко предлагали что-либо дальнее. А отсутствие плодотворных идей превращает подобные собрания в еще одно мероприятие для галочки, ничего по существу не имеющее.

— В наши дни одними словами и убеждениями не обойтись, — заявился режиссер Х. Кахабаев. — Пора от слова первые к делу. Мы это у себя в совете твердим второй год, но в основном топчемся на месте...

На сегодняшнем экране притуплено сосущество новых лент, несущие груз старого мышления, архивных форм, и подлинно новые киноработы, острые и смелые, перестреченные по духу и идеальному наполнению. Последних пока, увы, очень мало. Но даже и они не устроили многих участников состоявшегося обсуждения — в нем приняли участие философы, критики, кинематографисты. Завязалась дискуссия. Высказывались разные точки зрения. Да, надо было очень «постараться», чтобы не придать значения целому ряду фильмов текущего реверсера или тем, новейшим, какое демонстрировали специально для участников обсуждения подлинные склонные, большие проблемы нашей жизни, картины эти отличаются и достаточно высоким профессио-

нальным уровнем режиссуры. Достаточно называть фильмами «Валомщик», «Соблазн», «Единокды соглаш»...

На заседании было несколько очень интересных выступлений аналитического характера. Постараюсь позже познакомить читателей с некоторыми из них. Сейчас же важно заметить, что перемена акцента на идеально-художественную сторону киноцеркви симптоматична: все яснее становится, что не по успехам во внутренней реорганизации, а по реальным экранным результатам будет судить миллиардный зритель о перестройке в кинематографе.

Г. СИМАНОВИЧ.

Минение Кахабаева поддержали на съезде многие. Возник вопрос: а че же тогда занять Союз кинематографистов республикой? Ответом может послужить внеочередной съезд. Он был создан не только для решения творческих задач, сколько для того, чтобы в очередной раз высветить отношения.

В частности, на съезде пошел разговор об исключении из союза (случай редчайший в стране) режиссера А. Артыкова. Самое удивительное, что почти два года назад, на VI съезде кинематографистов Туркмении, А. Артыков был избран членом ревизионной комиссии. Теперь же союз вообще отказывается от него. Что произошло? Артыков стал писать все в инстанции, жалуясь на новое руководство союза, обвиняя его во взяточничестве, различии, трагике и других серьезных преступлениях. По заявлению Артыкова, приезжали из Москвы несколько комиссий. «Разоблачение» не подтвердились, но он продолжал вести войну «с вражеской группировкой». Ходил слух Нарлыева — первого секретаря правления Союза кинематографистов Туркмении.

Внеочередной съезд работал долго. Заседание щедро потратило время на выяснение отношений. При обсуждении заявлений Артыкова страсти накалились. Выступали во несколько раз, не выдержав, кричали с мест. Казалось бы, осудили поведение Артыкова, предложили исключить его из союза. Но после тайного голосования выяснилось совершенно противоположное: Артыков остался членом СК.

...Впервые мы подошли видным мужчина.

— Аймурат Сахатович Геокленов, — представился он. — Режиссер киностудии «Туркменфильм». Вам мое письмо не передавали?

— Нет.

— А я думал, что вы приехали специально для того, чтобы проверять мое заявление. — И он протянул мне довольно объемистую рукопись, испещренную придирками и режиссеру М. Алиеву и в особенности к первому секретарю правления СК республики Х. Нарлыеву. В каких только грехах не обвиняет Геокленов известного режиссера, лауреата Государственной премии СССР Нарлыева! Например, в фильме «Невестка» героям неправильно, нарушая традиции, вызывает из песка свекра.

Надо, видите ли, чтобы все было ритуально. А вот другой «криминал» Нарлыева: «в фильме изнасилен эпизод родной жены чабана». Оказывается, она рожает не так, как положено.

Как выяснилось, «разоблачение» Нарлыева Геокленов разменивал на машинке и посыпал во все организации — от ЦК КП Турикмении до Союза кинематографистов СССР. Разбором заявлений Геокленова представительная комиссия из Москвы занялась на следующий день и дала довольно точную оценку: грязный донос. Но такими делами вынужден заниматься союз. Между тем, как сейчас на повестке дня стоит сугубо творческие и организационные вопросы.

— Я больше не могу, — признался после съезда Нарлыев. — Устал.

Бездны, с мешками под глазами, Ходжалы, с трудом державшийся на ногах: поднялось давление, надо лечь в больницу...

К чему все это может привести, показало знакомство с фильмами, которые созданы на киностудии «Туркменфильм» в прошлом году. Рассмотреть состоялся на следующий день после съезда. Секретари правления Союза кинематографистов СССР А. Смирнова и О. Агиша рекомендовали фильм режиссера М. Собуихна «Твой брат — мой брат».

Разделились мнения по поводу фильма режиссера Ходжалы Нарлыева «До синдана, парфюм», который показывает нелегкую, порой мучительную адаптацию привычных к азиатской жизни.

На обсуждении режиссер промолчал, а на следующий день высунулось, что он обиделся. Илья: молодому, несомненно талантливому художнику нужна горькая пилюля истины, чем льстивая ложь.

Кстати, такое отношение к критике, когда профессиональный анализ работы расценивается как предполагающее отношение к автору, еще свойственно некоторым представителям старшего поколения.

— Откровенно говоря, добрые впечатления оставил не сам съезд, откровенный разговор после просмотра фильмов — о творчестве, о захватывающем дне туркменского кино.

Ф. МУСТАФАЕВ.

(Наш соб. корр.)

АШХАЗАД.

На обсуждении режиссер промолчал, а на следующий день высунулось, что он обиделся. Илья: молодому, несомненно талантливому художнику нужна горькая пилюля истины, чем льстивая ложь.

Кстати, такое отношение к критике, когда профессиональный анализ работы расценивается как предполагающее отношение к автору, еще свойственно некоторым представителям старшего поколения.

— Откровенно говоря, добрые впечатления оставил не сам съезд, откровенный разговор после просмотра фильмов — о творчестве, о захватывающем дне туркменского кино.

Ф. МУСТАФАЕВ.

(Наш соб. корр.)

АШХАЗАД.

НАШИ ФИЛЬМЫ ЗА РУБЕЖОМ

«Письма мертвого человека» в Америке

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

ЭКРАН

КЛУБ КИНОЗРИТЕЛЕЙ

Бузыкин, дубль второй...

Я слишком люблю разновидные фильмы, чтобы оставаться в стороне от неудач мастеров. Неудачи, конечно, относительной, но для художника такого таланта все-таки неудачи...

Когда смотришь фильм «Защита молодежи для флейты», не покидает странное чувство, что героя картины Филимонова там где-то недавно уже видел.

Где же мы встречались с этим очень спешащим мужичком, разрывающимся между женой и любовницей, восторженно посыпавшим с деньгами, связанными различными ведомственными ограничениями? А мы должны иметь возможность варьировать на одну картину затраты меньше, да прорадим ее дороже. И наоборот. Или возместим каскетовый недород фильма экспериментального за счет более доступного, более посещаемого зрителями. Не можем мы еще влиять на характер проката картин. Думаем, должны быть государственные, но региональные копии, существующие как самостоятельные единицы на хорватских начальниках. Пусть смотрят здраво в Закавказском регионе какая-то из картин не оккупят в Сибири — пройдет «на ура». Таким образом, мы рискуем — и прокат рискует, но вместе с тем «по-умному» рассчитывая — и прокат делает это же самое.

Теперь, когда мы, режиссеры и драматурги, почувствовали, что в своем творчестве имеем полную свободу, понимаем и другое: уровень творческой деятельности неизменно возрастает. Уже не скажешь: «Это мне не разрешено». Что ты можешь — то можешь. И сразу же выплынет наружу, чего ты стояишь на самом деле.

К тому, что сказал художественный руководитель объединения режиссер Виталий Бячеславович Мельников, можно прибавить слова главного редактора того же объединения Фрикеты Гуревичной. Здесь талант Рязанова проявляется в полном блеске. Однажды для сюжета, не совмещаясь, ослабляют действие каждого. Сатирическая линия воспринимается как вставные номера, как синтаксис арбитре на конейном поле.

Создается впечатление, что режиссер не поверил в возможность создания фильма с одним кинематографическим ядом. А где. Ведь были же блестящие примеры — разновинский «Гардии» или «Голубые горы» Эльдара Шенгелия.

И еще одно: мы никак не можем без любви всюду ее пытаются втолкнуть. Даже туда, где это совсем не нужно...

М. ГОСТЕВ,
ВОРОНЕЖ.

(Окончание.
Начало на 3-й стр.).

тут — самоокупаемость, хозрасчет... Вот в чем трудность.

Но а планы нашего объединения — то, что уже делаются и к чему мы приступаем, они, на мой взгляд, еще вполне соответствуют с определенностью нового времени, на него не влияют.

Заканчивает свой фильм «Вы чье, старичек?» по повести Б. Васильева классико И. Хейфиц. Как всегда, интересен сценарий Е. Габриловича «Полет птицы» (название условное), а снимает фильм В. Григорьев. К судьбе поэта Сирено де Бергерака обратились сценарист

— Кроме тех молодых, о которых я уже сказала и которые работают каждый по-своему интересно, мы ждем и себе молодого режиссера Сергея Сельянова. Он сейчас учится на 1-м курсе Высших режиссерских курсов у Р. Быкова. Со своими товарищами Коновалчиком и Макаровым снял любительским методом любопытную, несколько необычную картину «День ангела». Дали возможность этим молодым людям показать у нас, на что они способны.

Как кажется, сегодня на «Ленфильме» господствует творческая атмосфера, есть хороший смысл слова конкуренции между ними. О так называемом «планировании снизу» с обязательной ставкой на жанровую многообразие, разнообразие. Говорят о и о прокатной судьбе создаваемых фильмов, о рекламе, которая стоит на почти нулевом уровне. И как референ не раз повторялись слова: «хорасчет диктует», «хорасчет покажет».

Какие же вопросы задавались и какие звучали ответы?

Вопрос: Как будут складываться судьбы режиссеров-постановщиков, которые прошли на студии много лет, многие сделали, но о них упоминания не в одном объединении?

А. Голутва: Те, кого не привлекли к работе, могут, взявшись за руку сценариста или без него, обратиться в любое из объединений со своим замыслом, предложением. Обсуждать и решать будет правление творческого объединения.

Вопрос. Почему в перечисленном списке работающих режиссеров нет фамилии Германа?

В. Мельников: Прослушали, есть. В 90-м году ждем его картины. Он сейчас пишет сценарий «Трудно быть бородой».

Вопрос. Несколько слов о правлении, пожалуйста.

А. Голутва: Правление отвечает за ключевые моменты, связанные с производством фильма. Члены его избираются сроком на 5 лет, а через три с половиной года будет объявлен новый конкурс творческих программ. Первый год даст какой-то опыт — ведь правление всех объединений будет поступать по заранее разработанной схеме, а по азарту смыслу. Сохранимы в объединении и художественные, точнее было бы сказать, советы товарищ-художников. Голос их совещательный, но очень важный.

Хорасчет покажет — это утверждал и новый, совсем еще молодой директор «Ленфильма» Александр Алексеевич Голутва на общем собрании студии.

В зале, который заполнили режиссеры, продюсеры, работники всех цехов и служб студии, на столовах поставили столики с табличками «выстроились» длинный ряд стульев — их заняли во-то основных руководителях всех четырех объединений, директор и секретарь парторганизации. Ведь это с них повышенный спрос, они отвечают перед коллективом за то, как идет работа.

После короткого делового рассказа-отчета каждого из художественных руководителей последовала выступление директора А. Голутвы, в котором он выделил основные для «Ленфильма» проблемы: в новых условиях творчества, когда предстоит стать во многом интегрированным, и это естественно, идет процесс поиска новых, оптимальных вариантов. Не случайно каждый из моих со- беседников упоминал, что объединение создается на пять лет. А нам дальше, — хорасчет покажет.

Вопрос. Как вы относитесь к тому, что люди искусства занимают должности?

И. Масленников: А разве лучше, чтобы наши руководители боролись? Предложили Герману возглавить З-е объединение. Он метался, мучился в раздумьях, говорит: «Не могу». А я? Я могу. Во мне живут качества человека, который может и, наверное, просто должен занять место бородата. Кроме того, я не «рукопожу» художниками, не осуществляю мелочную опеку.

Вопрос. Собирается ли режиссер Михаил ставить «Дети Арбата»?

С. Михаил, художественный руководитель 4-го объединения: Да, собираюсь. Но надо закончить ранее начатую работу во 2-м объединении — «Сто солдат и две девушки».

Что ж, вопросы и ответы они словно барометр, определяющий не атмосферное давление, а ту атмосферу, которая существует в коллективе. Думается, атмосфера нормальная. Проблемы, тревоги, надежды, а главное — творчество. Этим и живет сегодня институт «Ленфильм».

Евгения КАБАЛКИНА.
ЛЕННИНГРАД.

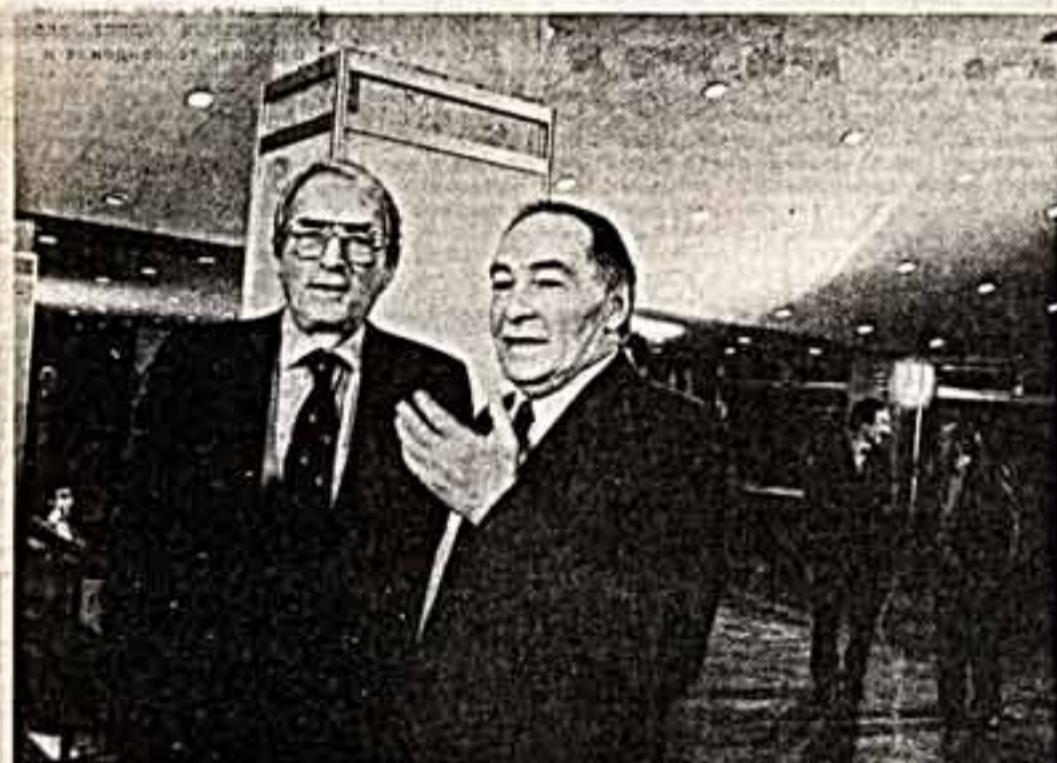
Они встретились в Москве на форуме сторонников мира. Критик и журналист Григорий Пек, герой которого — мужественные и обаятельные «стопроцентные американцы», помогли им стать «звездой» первой величины. И Гарий Социалистического Труда народный артист ССР Вячеслав Тихонов — один из самых известных и любимых зрителями актеров нашего кино, героя которого не нужно представлять.

Нередко еще советским зрителям в вопросах зарубежного кино приходится помагаться на именах критиков. И счастью, Григорий Пек известен у нас не понаслышке. Лучшие его работы — «Родина», «Капитаны», «Золотой Ман-Кинни» демонстрировались на советском экране.

Искреннее и дружеское общение двух знаменитых киножурналистов — характерный штрих нашего времени.

● Григорий Пек и Вячеслав Тихонов.

Фото Ю. Барыкина.

СЛОЖНЫЙ ФИЛЬМ

Ни выражить словом, ни крикнуть

Свою статью в журнале «Искусство кино» (1987) Борис Слуцкий назвал так: «Писатель, который не стал кинематографистом». Речь в ней шла о киносценариях, созданных Платоновым. Их было семь. Два напечатаны в том же номере журнала, но так и не воплотились в картины.

Кинематографичен ли Андрей Платонов? При всей трудности и самобытности его языка и при всей неопределенности понятия «кинематографичность», думаю, что да, книга магнитографична, потому что бородит кинематографическое мышление, создает мощное эмоциональное поле, в котором легко рождаются и существуют образы другого искусства, другого художника, вдохновленного Платоновым.

Проза Платонова притягивала кинорежиссеров с того момента, когда в конце 50-х годов с ней познакомилось новое поколение советских читателей. Резо Эсадзе снял в 1965 году свой диплом по рассказу «Фор», Булат Мансуров в 1970-м — фильм «Рыбаки» (по рассказу «Танцы»). Гавриил Ейтазаров в 1963-м — фильм «Домой», в основе которого послевоенный рассказ «Возвращение».

И вот сейчас в нашем прокате сразу две платоновские экранизации. «Родина» Шепитко и снятая в 1967 году, а «Одинокий голос человека» Александра Сокурова — дипломная работа юного режиссера. Сравнивал обе картины, на редкость адекватные, дают столь разные решения этой адекватности, сохраняя в то же время свой, индивидуальный почерк.

У Ларисы Шепитко — это прежде всего свойственное ей стремление самой прожить ситуацию персонажей, воспроизвести с максимальной точностью жизнь деревни

1921 года. Отсюда поиски натуры — такой же точно деревни, поиски типичности: непрофессиональная массовка, в которой должны раствориться, слиться с ней актеры с неприменимыми лицами. Режиссер здесь не умирает в актерах, он как бы сам становится неприменимым актером, тем первым лицом, от которого ведет свой рассказ Платонов. Глазами режиссера-участника видим мы и потерянную надежду жить, истомившуюся по влаге земли, и бесподобный молебен о дожде, который служит и пыли, на горячем ветру крестьяне — как земля, иссохшая, как земля, жаждущая, иссеченные морщинами. Режиссер-свидетель страдает от запустения смирившейся и беспомощной деревни, превратившейся в нежилое пространство, где печная труба — без печи, дом — без крыши, кочки лежат на бочке без воды, а изгородь огораживает пустоту.

Проклята как Платонова и за его героев их жизнь, как свою, Лариса Шепитко вместе с тем прекрасно отдает себя отчет в том, что это жизнь столько же легендарная, скользкая и реальная, а история, рассказанная Платоновым, столь же универсальная, сколько и конкретная, и, следовательно, она должна вмещать больше, чем было и может быть прожито одним человеком. Лариса Шепитко тонко почувствовала тему сотворения мира в творчестве Платонова, написавшего в рамках своего рассказа «Потомки солнца» о необходимости «взорвать иную Вселенную».

Лариса Шепитко соотносит «Родину» аллегрически не только с настоющим этого рассказа, то есть временем происходящих событий и с прошлым человечества, но и с будущим (это опять-таки и свойство Платонова). Взгляд из будущего — это отношение к Платонову как к событию прошлого и будущего.

Новации последующих знаний, это трактовка и переосмысление.

Совсем другим, чем у Шепитко, средствами достигает адекватности прозе Платонова Александр Сокуров. Если Шепитко направляет свои усилия к сближению Платонова со зрителем, помогает этому сближению собственным посредничеством и комментарием (можно было бы определить ее трактовку как просветительскую), погружает нас в подлинную жизнь, то Сокуров свою верность автору видит прежде всего в сохранении на экране языка странности, загадочности любимого писателя. Жанр его картины «Одиночный голос человека» (по рассказу «Резка Потуданы») можно было бы определить как сны о Платонове.

История Никиты Фирсова (заметим, что Фирсов — один из псевдонимов Платонова) — история человека, вернувшегося в свой тихий провинциальный город после гражданской войны, но сумевшего забыть про бремя прошлого. В главной роли снялся Дарел Назаров. Это интересный дебют известного в Республике композитора. Он же пишет музыку к картине.

Сюжет картины несложен: инженер-кинематографист изобретает кинематографический аппарат, который не работает. Кинематографисту помогает его жена, которая

СПРАШИВАЙТЕ-ОТВЕЧАЕМ

Состоялась личность

«Как открыли для кино Слава Ильиненко в фильме «Чукча Белая и Рыбобой». Расскажите о нем, пожалуйста.»

А. ЩЕРБАКОВ.

Сделали фотопробы, показали мне и попросили позировать again. Сам сделал еще серию фотопроб, как это обычно и делают: мне важно, как человек выглядит в прямом контакте со мной. Спросил, как он учится. Слава оказался отличником. Это меня очень настроило, я вообще с интересом смотрю на учеников. Однажды он не появился, выспрятался в притворе. Ученик был насторожен, а я, вообще с интересом смотрю на учеников. Однажды он не появился, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе. Ученик был решен. Он начал сидеть на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.

Слава, который учился тогда в шестом классе младшей школы, проходил мимо студии «Казахфильм». Ассистенты увидели его через забор, сунули ему деньги и сказали: «Сядь, сядь». Слава сидел на заборе, сидел и сидел, пока не появился я, выспрятался в притворе.</p

Так что же такое групповщина?

МНЕ КАК читателю, любящему литературу, портить, — а таких читателей в нашей стране, надо полагать, большинство, — до ужаса опровергала перепалка по поводу групповщины. Давно пытались понять, что же это такое? Виду только, что слушатель муз упрекают друг друга в непородичности. И больше всего достается критикам.

Например, говорят: «Не слишком ли часто у нас критики прислушиваются не к голосу своей совести, а к шепоту друзей, используя журнальные страницы для сведения «внелитературных счетов»? Или: «Есть и такие критики, для которых совсем не обязательно наличие таланта у художника, достаточно его приверженности интересам группы». Дескать, критикам не нравятся вовсе не книги, не картины, а их авторы. У каждого зомпа будто бы особый круг приятелей, которых он всячески выплачивает, отодвигая прочих на задворки, так что иному писателю, музыканту, автору не дождаться доброго слова о себе, если он не свой парень для команды критиков, занятых «не столько суждением, сколько подсуживанием». Похоже, эти команды быстрого реагирования, закаленные в групповой психологии, способны отключаться лишь на призы: «На-

тически, то правомерно ли подводить такую борьбу под рубрику групповщины, клеймить ее как некое недостойное дело? Не спрavedливее ли считать, что если у журналов есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

Не найти человека, который станет защищать групповщину раздробленность писателей, занятых, по выражению Льва Толстого, «действием слова — могущественнейшего оружия единения людей». Но многим можно сказать в защиту того, и чему безосновательно приписывается этикетика «групповщины». Вся штука и весь бунт в том, что этот жупел, как видно, стал подпоркой в той системе отводов критики, которой, как плотных заборов, любят отгородить себя некоторые деятели науки и культуры. Книги на групповщину часто оказываются просто формой отметки спортивных замечаний в расчете вызвать к ним недоверие и замять критике рот.

Изобретение не новое. Помнится, по А. Т. Твардовскому «Новый мир» опубликовал спортивную статью «О ремесленной литературе» (больной вопрос и по сей день). Задетые критикой тут же отмахнулись. С неподражаемой грацией тут же все дядьки «Огонек» в статье под таким названием «Критик у своего копыта». «Это... обзывают он... — вульгарная дань обыкновенной литературной групповщине» (№ 36, 1966 г.). Мы же, читатели, помним, кто есть кто, и никакие защитные отмычки не в состоянии были осадить честную критику. Мастера отводить ее мановением руки могли сколько угодно оспывать себя минимум триумфами, но завоевать нас, читателей, на свою сторону им было не дано. Если мы на то пошли, среди нас торжествовали свои пристрастия, в которых мы не наемся и которых не таим. И в минувшие годы читатели хорошо разбирались в различных между журналами. Можно сказать, обстановка безгласия даже благоприятствовала этому, ибо позволяла — при вынужденном молчании тех, кому было что сказать, — отвлечься услышать аллюзии и подхалимы, обнаружившиеся на лице, заставляя обостренное, с возмущением воспринимать несправедливость положения, при котором ругают то, что небезопасно хвалить, и превозносят то, что не могли критиковать.

Полемика, достойная своего имени, не имеет ничего общего с навешиванием ярлыков. Почему-то участники этих дискуссий словно не считают нужным бороться за читателя, защищая разногласия на личную почву. Некоторые критики пишут как бы исключительно для таких же, как они, критиков, забывая о свидетелях спора, ставя читателей в положение незваных гостей на умственном пиру мурзиков, народных болей и радостей, а не чай-то спешной перестройки для усиления круговой обороны, сплошного отпора неугодным, дружного затыканиям иноязычных.

Полемика, достойная своего имени, не имеет ничего общего с навешиванием ярлыков. Почему-то участники этих дискуссий словно не считают нужным бороться за читателя, защищая разногласия на личную почву. Некоторые критики пишут как бы исключительно для таких же, как они, критиков, забывая о свидетелях спора, ставя читателей в положение незваных гостей на умственном пиру мурзиков, народных болей и радостей, а не чай-то спешной перестройки для усиления круговой обороны, сплошного отпора неугодным, дружного затыканиям иноязычных.

Чтобы не спасаться над наклонной прямой читателя. Ведь он, возможно, привык считать, что обыкновенно поэт или прозаик сидят себе один в мансарде убогий или на худой коне в канюк-избушке «комнате под сводами», усовершенствуя плоды любым дум, и весь-то его коварный расчет построен на пробивной склоне для бумаги, то есть одного лица таланта. О критике простодушный читатель тоже мог усвоить превратное понятие хотя бы со слов Салтыкова-Щедрина, легкомысленно утверждавшего, что «критика имеет дело не с личностью, а с произведениями автора». Ко всему и сами критики — настоящие, большие критики — могли его сбить с панталыка, увидев, что никогда не пачкались ни с какой групповщиной.

Вспомним хоть Писарева. Когда в письме к нему Тургенев попросил сказать, какое впечатление произвел «Дядя» на критика и его кружок, Писарев первым делом заявил, что у него нет кружка. Он может высказать о «Дяде» только свое личное мнение. Так было, говорит он, и прежде: его мнение об «Отцах и детях» было также личным мнением. И вторы Тургеневу: «Я сам глубоко ненавижу всех дураков вообще, и особенно глубоко ненавижу тех дураков, которые прикапываются моним дураками, единомышленниками и союзниками».

Быстрошерстый и неслыханно резкий критик, Писарев не был ходатаем какого-либо лица или группы лиц, а выступал как истина в определенных взглядах. При этом он никак не скрывал своих литературных пристрастий, что сегодня почему-то считается криминалом, словно любовь к одним писателям и их героям является ужасным святотатством по отношению ко всем остальным.

Похоже, что в старые времена при ожесточенном полемическом противоборстве журналов люди не знали, что такое групповщина. Да и, который всегда нас выручает, нет такого слова. Стало быть, групповщина — благородство приобретение нашего времени? Прогресс, что и говорить, капитальный.

Впрочем, о существовании кружковинских писателей высказывали разительно противоречивые суждения. Например, Виктор Астафьев говорит: «Видно, наши бурные, часто вздорные перепалки и малоисследованные творческие дискуссии породили у обывателей мнение, что мы — советские писатели, живем совсем разрозненно, готовы порвать друг друга...»

И ТАК, можно вдохнуть с облегчением: групповщина, оказывается, нет, никто никого не грызет, никто не страдает от чужого засыпки. Но радость за нашу литературу вдруг гаснет: из доклада В. Карнова на последнем пленуме управления Союза писателей ССР мы узнаем, что раскраска и групповщина — главные помехи творческому писательскому делу. Существование групповой борьбы признано, так сказать, официально.

И вновь одолевает сомнение: вправду ли писатели, критики распались на то, какими из культа, неизвестно пересорились? Не поймешь, однако, из-за чего, если, конечно, оставить в стороне споры о тиарах, числе переданный, назначениях и премиях — споры, в коих подчас обнаруживается кинение совсем не литературных страстей. Если же имеется в виду поляризация взглядов в серьезных вопросах творчества, борьба художественных концепций, способная обогатить общество духовно, то

настанет ионолитное единство.

В традициях партийной публицистики борются за истину во всеоружии аргументов. Но иногда предлагают и так бороться: требуют от руководителей творческих союзов принять против групповщины «административные меры» («Литературная Россия», 1987, № 13). Будут достаточно спустить слово из газеты, предписание: сего числа в творческих союзах учреждается авторская практальная атмосфера: симпатии и антипатии отменяются; объявляется ведущая терпимости к критике, перерастающая в перманентный фестиваль интеллигентности и культуры, — как настанет ионолитное единство.

Время было не в чести у чиновников от искусства.

— Мне 63 года, — сказал приглашенный из зала на сцену знаменитый балетмейстер Московского театра Артур Абасян. Группу брейбанса «Четверга», в которой он выступил (руководил Ю. Герулейт), долго не отпускали со сцены. А под занавес по проследил зрителей Артур еще раз показал свое мастерство и вынужден был тут же отвечать на вопросы поклонников.

Не только модный минчук

бронзовый, но и другие направления современной эстрадной хореографии, такие, как русский лубок, бальные танцы, камерный балет, рок-н-ролл, степ, демонстрировали в этот вечер участники хит-пареда «Молодые звезды Москвы». И уже это многообразие стилей, характеризующие увлечения молодежи, представленное не довольно высоком исполнительском уровне, держало зрителей (это в основном студенчество) не только в постоянном напряжении, но и несло в себе какой-то воспитательный момент.

Еще одна особенность, бла-

годаря которой стало пред-

тетически, то правомерно ли подводить такую борьбу под рубрику групповщины, клеймить ее как некое недостойное дело? Не спрavedливее ли считать, что если у журналов есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей, творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого! Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

и читателю, дело до всего этого!

Неправильнее ли считать, что если у журнала есть свое лицо, свое художественное программу, то это не слабость наша, а достижение, реальное проявление богатства и разнообразия мнений, отвечающее духу социалистической демократизации?

ЧТО КАСАЕТСЯ аппарата Союза писателей,

творческих секций и прочего, то какое

— Зало гаснет свет, и на кинозрани возникает голубая Земля, совершающая вокруг Солнца свой стремительный вит. Она дугонет красный диск Земли, и в этот момент от нашей планеты отрывается краинка звезд, и по ее приближению превращается в пожарную ракету, раскинувшую крылья солнечных батарей.

Но вот станция достигла орбиты Марса и становится его спутником. Вначале ее орбита аплиническая, сильно вытянута, как поставленная она на грунт, да и не склоняется к земле. Но вспышка яркого огня и орбита становится почти круглой. Пушки носа и лазерный луч «ударяют» по поверхности Фобоса, испарившийся грунт обличием поднимается «вверх», в станции, где начинается его элементный и изотопный анализ.

А затем от космического аппарата отделяется последний щанд — долгожданный аппарат для станции (ДАС). Плавно опускающийся, она закрепляется на грунте, да и не склоняется к земле. Второй погодочный зонд, который ученые окрестили «флагманом космической науки», расправляет склон космических панелей для изучения двадцати четырех признаков, несущих место исследований.

Так в двухнедельном киноролике схематично были показаны основные этапы всей 460-секундной эпопеи Земля — Марс — Фобос, начало которой назначено на июль. Когда после его демонстрации в зале вспыхнут свет, ученые, участвующие в международном проекте, гордо заявляют: «Мы сделали!». Возможно, это было вдохновением для своих сбывающихся надежд и мечтаний: ведь последние годы, напряженной работы, главная сложность и парадокс которой в том, что, посыпав стены, давшие многое за известными, это неизвестное надо заранее предвидеть, — заложить в программу полета, в параметры приборов и оборудования.

Заседание в Москве международного совета по проекту «Фобос» проходило в Институте космических исследований АН СССР, стали последними — теперь ученые встречаются только перед стартом на космодроме Байконур.

Завершен важный этап работ, и с вопросом о деятельности международного совета, о степени готовности к полету международных станций мы обращаемся к академику Р. З. САГДЕЕВУ, директору Института космических исследований АН СССР:

— Еще во время подготовки к проекту «Вега», позволившему получить уникальные данные о комете Галлея, мы исподволь вели работу, направленную на то, чтобы осуществить и проект «Фобос». Сотрудничество ученых разных стран доказало свою высокую эффективность.

В западной печати появились сообщения о том, что в США

ведутся опыты по созданию гибрида человек-обезьяна. Известие вызвало настоящую бурю в итальянских и французских средствах массовой информации. Одни приветствовали такое желание. Во-первых, появится целая армия покорных, сильных, не думающих рабов. Во-вторых, можно выращивать определенное число человекоподобных существ и потом «разбирать их на запчасти» для клиник, специализирующихся на трансплантации. А генералитет обрадовался особенно: какие перспективы создания будущего суперсолдата, физически сильного и выносливого и, главное, свободного от моральных принципов!

Недавно вышедший в Москве в серии «Французская фантастическая проза» роман Веркора «Люди или животные» рассказывает о таком опыте, об ученом, создающем подобный гибрид. Ниже мы публикуем отрывок из романа, несколько выступлений, напечатанных в итальянских журналах, и мнение советского ученого об этой проблеме.

Отец? Убийца?

— Труп был совсем искривлен. И понятно почему: что доктор Кирк, когда-то практикующий, практику свою многострадально практику видел столью разных трупов — в больницах, в мorgах... — заглянув на него, не мог не сказать: «Что у тебя ушло?». Он только не изговаривался, исклонился над головой, в зеве выпрыгнувшего из-под него дракона. И лицо его признало, если можно так сказать, профессиональное выражение. Несомненно, это был красивый краснокожий мальчик, мальчишка. Густые усы доктора забывались и он произнес:

— Всюческо, что вы вывали меня слишком поздно.

— Вы не совсем меня поняли, — ответил доктор.

Я дал ему большую дозу стрихнина. Доктор попытался опрокинуть стул, пытаясь подхватить и не сумел удержать вспыхнувшую глупую восхищением:

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный. Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

Врач в кинолекторе с минуту стоял молча, тело уставившись на Дуга.

Понобедившился секунду, доктор, вспомнив, что шагом подошел к полу-больнице, отступил с ма-леньким телом одевало и развернулся, вытираясь.

— Простите, — Только и смог произнести он...

Еще раз внимательно осмотрев ребенка, он перевел полные изумления взгляд на меня.

— Это все-таки обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

Я дал ему большую дозу стрихнина.

Доктор попытался опрокинуть стул, пытаясь подхватить и не сумел удержать вспыхнувшую глупую восхищением:

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный. Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

Врач в кинолекторе с минуту стоял молча, тело уставившись на Дуга.

Понобедившился секунду, доктор, вспомнив, что шагом подошел к полу-больнице, отступил с ма-леньким телом одевало и развернулся, вытираясь.

— Простите, — Только и смог произнести он...

Еще раз внимательно осмотрев ребенка, он перевел полные изумления взгляд на меня.

— Это все-таки обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

— Но ведь это же любительство!

Доктор оказался очень любезным, благородным, добродушным смуглополосым молодым человеком Дорнштадтом. Он дружески махнул мне рукой и почтительно Задумалось, что я, возможно, ошибся, и спросил: «Знаете ли вы, что такое установка личности преступника?»

— Да, — сказал я. — Это такая обезьяна. У нее четыре руки, — произнес он с явным облегчением.

ВЕРКОР. «Люди или животные»

— Вернер, — сказал я, — Ее ребенок тоже здесь?

— Нет... Ее вчера отвезли.

Лицо обратно в воспаленный.

Видите ли, его мать, собственно говоря, не женщина. Это сама Жанна Рагонье-Бертон.

ТЕМА СЕЗОНА

Слышать друг друга

Николай ЕРЕМЕНКО,
председатель правления
Союза театральных деятелей Белоруссии,
народный артист БССР

Недавно у нас в республике прошел пленум ЦК КПБ, на котором был заслушан отчет ЦК по руководству перестройкой. В числе других слово дали и мне, представителю Союза театральных деятелей. И в этом — добрый знак нашего отношения к театру как к барометру правительства, духовного состояния общества. Порадовал и конструктивный разговор, который состоялся на встрече представителей трех союзов в библиотеке ЦК КПБ.

В выступлениях прессы, писателей театра, показалось, стало общим местом утверждение, что наш дом перенимает не лучшие времена. Спорить с этим трудно: изменилась общественная атмосфера, набирает силу революционный процесс обновления всех сфер нашей жизни. Перед театром встали более масштабные задачи, а он к этому оказался пока не готов.

Стало ясно также, что долго в гомогенном требуя самостоятельности, независимости, тяготясь опаской, многие руководители, да и рядовые работники театральных коллективов, обретут эту самостоятельность, не умев ее распорядиться. Конечно, когда ответственность ложится на тебя в права даются широкие — это всегда сложнее. От смелости брать ответственность на собственные плечи мы постыкли.

На волне демократизации и гласности наряду с позитивными силами, целикательными для нашего дела, пропали и силы торжествия. Как правило, это люди, которые свою творческую несостоятельность стараются компенсировать демагогией, сведенением счетов, интригами. Едва ли также можно считать полезным обещание делу проявляющихся порой противостояние

Встречи с Шукшиным

В Союзе театральных деятелей ССР

СТД ССР посетила делегация из Швейцарии, в состав которой находился мэр города Цюрих Томас Багнер. На переговорах обсуждалась возможность участия СТД наряду с другими театральными союзами, Министерством культуры и Госконцертом в проведении Дней ССР в Цюрихе. Имеется договоренность, что СТД ССР подготовит для показа в Цюрихе программы студийных театров.

В 1986 году в Вену на фестиваль приглашаются лучшие спектакли последних лет, по линии

ХУДОЖЕСТВЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА «САТИРИКОН» НАЗНАЧЕН КОНСТАНТИН РАЙКИН. НАША КОРРЕСПОНДЕНТ НАШЕЙ ВЫПУСКАЕТСЯ С НИМ ПЕРЕД ОЧЕРЕДНОЙ РЕПЕТИЦИЕЙ.

...Признается, услышав, что в театре «Сатрикона» готовятся к постановке «Мастер и Маргарита». Константин Булгакова, было несколько удивлен. Константин не склонен считать эти эпизоды театра и эпизоды произведения. Тем интереснее было услышать мнение режиссера-постановщика спектакля — а отныне и художественного руководителя театра — Константина Райкина.

...Пьеса «была или не была» — стихотворная фантазия на тему «Мастера и Маргариты» — написана П. Грушино. Самое главное для нас то, что это не сценарий, а эпизодическое произведение. Тем интереснее было услышать мнение режиссера-постановщика спектакля — а отныне и художественного руководителя театра — Константина Райкина.

...В спектакле занята почти вся труппа. Балетмейстер Алла Сигалова. Она впервые работает на нашем театре.

Мы задумали сделать спектакль и философским, и лирическим, и сатирическим. Эта работа достаточно амбивалентна и для нашего коллегиства. Зрители примут ее в том виде, в каком она будет. А мы будем говорить: мол, зачем? И вот что хочу сказать: эта художественная программа,

которой мы придерживаемся и будем придерживаться, еще шесть лет назад, при переезде из Ленинграда в Москву, была подобно иллюзии с отцом. На сегодняшний день я считаю, что это не просто иллюзия, а действительно обозначает болезнь, и думаю, себя изменила. На ее место пришла сатира философская (к ней относится книга Булгакова). Уже требуется не только наставление, но и залечивание болезни. И истинно ведь все, что хочется и нужно изменить, находится в душе человека. А для более серьезного разговора о человеке нужно найти определенные языки. Минимализм — один из них.

И актер, нам бы хорошо он ни был, не может расти на репризах. Наша реприза в настоящее время не хватает времени, системы. Ставка на спектакль. Но хватает того уровня мастерства, который подходит для тех, кто выходит на подиумы. Подчас главная задача большинства исполнителей на репризе — продемонстрировать себя. Но, как мне кажется, это — недостойная искусства задача.

Нам необходимо гармоничное сочетание драматического и эстрадного начал. И в го-

РАЗМЫШЛЕНИЯ В АНТРАКТЕ

Увидит ли спектакль зритель?

В Новгородском областном театре драмы опять конфликт... Режиссер Евгений Лучин, окончивший в 1986 году ГИТИС по курсу А. Гончарова, поставил «Дон Жуана» Мольера. Художественный совет театра, в который входят и участники спектакля, постановку не принял со идейно-художественным соображениями. Режиссера обвинили в непрофессионализме, а спектакль в пропаганде жестокости, отсутствии надежды и перспективы, певалистии отдельных режиссерских ходов. Режиссер с решением художества не согласился.

Предлагали пригласить артистов, поддерживающих спектакль, солидарных с позицией режиссера. Конфликтную комиссию СТД РСФСР потребовали прислать критиков для анализа спектакля.

Конфликты, конфликты... Это начинает надоедать и критикам, и работникам театра, и журналистам, и зрителям-читателям. Не каждому зрителю интересны закулисные интриги. Нормальный человек хочет ходить в театр и смотреть спектакли, желательно интересные.

...Итак, «Дон Жуан» в Новгородском театре. Режиссер Е. Лучин дал постановку следующее жанропонятие определение: «иронич-

ской фантазии в 2-х частях по мотивам комедии Ж. Б. Мольера». Весь текст практически сохранен — купюры не значительны и непринципиальны. Сюжетный, событийный ряд остался неприкосновенным. Но в смене эпизодов, характеризующихся, пожалуй, самой яркой яркостью, не позволяют себе задумываться о такой мелочи либо надеяться как-то приручить ее, используя ее (преступление, деньги, положение) в своих целях. Обнажается механизм природы оправдания безнравственности. Всеобщая готовность иметь дело с Доном Жуаном нарушается один раз, когда Ницца отказывается богохульствовать за золото.

Жесткая режиссерская концепция решена средствами образного театра, на сцене существует то, что Г. Товстоногов определяет как «роман жизни», то есть само действие строится на выявление отношений и мотивов, а не бытового правдоподобия. Текст становится одним из компонентов спектакля, а не предметом иллюстрации.

Начинается спектакль с того, что из ими на авансцене поднимается Ницца (А. Бахметьев) в стилизованно-разном китинге, садится на край ямы, достает из-за пазухи кусок черного хлеба и, откусив, словно каждый раз надевает другую, более яркую и жестокую личину. Каждый аспект — струпье лестицы, по которой он идет

и идет, оглядывая все вокруг. На сцену врывается погоня. Кто-кого-то проследует, что-то сдавленно кричит, хрипит, командует... И когда освещается сцена — все уже кончилось: перевернутые предметы, вокруг полный разгром. Здесь вступает текст. Монолог Станарель о табаке звучит безмятежно и выдаст гурмана в говорящем. И лишь позже мы увидим, что Станарель с ног до головы опутан веревками, приязан на кресле, словно его собирались четвертить. И станет ясно, что такие передряги для него не вновь, дело привычное: опять-таки яркое.

После массового уничтожения людей в живых остается один Станарель (А. Валканский). Жалобным, нелепо-капризно-детским тоном, плачущим голосом недоразвитого дитя он будет выключаться «мое жалование». Фантастическое несоответствие только что случившегося и капризно выпяченной, дрожащей губки Станареля, контраст между обликом старика и младенческим неизвестием вызывает естественный смех, провоцируя осуждение и презрение к обывателю. Под этот смех Станарель направляется меж лежа-

щих убитых в глубину сцены. Но настремчу ему выходит Ницца, вынимает из-за пазухи кусок черного хлеба и делится с ним, жадним, корыстным, мелким, ничтожным, но единственным оставшимся живым персонажем, делится хлебом. Станарель получает то, за что ратует спектакль: сострадание, сочувствие. Если есть возможность помочь, оказать милосердие — сделай это, ибо эта миссия достойна Человека. Поднимаются убитые и уже камни актеры выходят на по-

платформу. Но есть и серьезные принципиальные. Они-то требуют отказа от сложной обработки («не понимают»), от жесткости обивки, летящего в зал нам, зрителям, в конформизме, корыстии и глупости. Из выступлений противников спектакля особенно интересным и показательным представляется одно, которое, на мой взгляд, дает высшую оценку спектаклю. Член художественного совета сказал: «После спектакля я вышел и подумал: «Как же дальше жить?». И потребовал закрыть спектакль.

В принципе неприятное то-го или иного творческого решения — дело понятное, слу-чающееся достаточно часто. Третью вызывают аргументы. Среди них есть субъективные, поверхностные. Ска-жем, один из членов художес-твенно-художественного совета сказал: «Что я хочу видеть, а не что мне говорят художники». Лица беда нача-

ло меня пугать внутренней убежденностью руководства, что никакого конфликта в театре нет, и если бы СТД не вмешалась в дела новгородского театра, то здесь еще раз спонсировано и благополучно «смущалось» бы режиссера, обвиненного в идеальной незре-достности и профессиональной не-состоинственности. И все были бы довольны. Судьба же из-за этого комедии, которую бы получил «приятное впечатление».

После отъезда критиков художественный совет все же принял спектакль с замечаниями, не ка-сающимися концепции. Самое время обрадоваться, но... Спектакль сдавала в октябре. Комиссия из Москвы смотрела его в декабре. Спектакль не раз еще не вышел на зрителя. Премьера ориен-тировочно предполагается в конце февраля — начале марта. За думавшим решением художественного совета видится медленное убийство спектакля. Готовый спектакль в принципе не может долго ждать встречи со своим «третьим творцом» — зрителем. Он перегорает и умирает.

Нам повезло: мы смогли увидеть его. А зрителя Нов-города?

Е. ЗУБКОВА.

СЛОВО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Игры для себя

1987 год — первый год театрального эксперимента — обнаженных спонтанно-разрыванных конфликтов в жизни театра. Легко объясняется ситуацией столкновением консерваторов и прогрессистов, стремящихся обновить устаревшую систему. Однако на деле все обстоит не так просто.

«Когда мы рассказывали американцам об организации театрального дела в ССР, они слушали нас с восхищением и удивлением. Им казалась сквозной вся наша система государственной организацией театров. Их поражали масштабы театральной деятельности и размеры средств, отпускаемых на развитие и поддержку театрального искусства. Восхищали американские деятели театра и те системы прав и социального обеспечения актеров, которая существует в нашей стране — так писали четверть века назад А. Анист и Г. Бордигеев в книге «об рассказах о борьбе за свободу творческой инициаты и общественных организаций любви и неприменимому закону».

В каком году устроила система М. Булгакова в «Собачьем сердце». Помимо, какие слова заборотили товарищи Шерлоки, когда его оживили! Так вот, примерно эти слова, которые М. Булгаков деликатно относил к сфере материально-технического изобилия, всплыли на время «промежутки» конца 70-х — начала 80-х годов. А, может быть, дело не только в старости системы, но и в одржании ее на старом месте.

Рискну покраситься консерватором, рискну покраситься ханжой и все же, бессмертное произведение М. Булгакова в «Собачьем сердце». Помимо, какие слова заборотили товарищи Шерлоки, когда его оживили!

Вот уже второй год идет театральный эксперимент, в подлинных открытых нет как нет. «Наша вера» в рождение спектакля благодаря организационным мерам у меня никогда не было, но, кажется, ее теряют и та, у кого она была.

А пока симптомы «пробуждения» 1987—1988 годов.

Если оставить за скобками несколько пьес современных драматургов, написанных в давнем и недавнем прошлом («Кабинчики», «Первомартовская Энненда», «Дорогая Елена Сергеевна», «Седьмой подиум Геракла»), то выясняется, что все московские драматические театры, вместе взятые, поставили всего три пьесы, посвященные современности («Соучастники» П. Соколова в АДТ, «Обсценению поддается» А. Соколова в Малом театре, «Канкан» А. Галкина в Театре имени В. Маяковского).

Рискну покраситься консерватором, рискну покраситься ханжой и все же, бессмертное произведение М. Булгакова в «Собачьем сердце». Помимо, какие слова заборотили товарищи Шерлоки, когда его оживили!

Вот уже второй год идет театральный эксперимент, в подлинных открытых нет как нет. «Наша вера» в рождение спектакля благодаря организационным мерам у меня никогда не было, но, кажется, ее теряют и та, у кого она была.

А пока симптомы «пробуждения» 1987—1988 годов.

Если оставить за скобками несколько пьес современных драматургов, написанных в давнем и недавнем прошлом («Кабинчики», «Первомартовская Энненда», «Дорогая Елена Сергеевна», «Седьмой подиум Геракла»), то выясняется, что все московские драматические театры, вместе взятые, поставили всего три пьесы, посвященные современности («Соучастники» П. Соколова в АДТ, «Обсценению поддается» А. Соколова в Малом театре, «Канкан» А. Галкина в Театре имени В. Маяковского).

Если оставить за скобками несколько пьес современных драматургов, написанных в давнем и недавнем прошлом («Кабинчики», «Первомартовская Энненда», «Дорогая Елена Сергеевна», «Седьмой подиум Геракла»), то выясняется, что все московские драматические театры, вместе взятые, поставили всего три пьесы, посвященные современности («Соучастники» П. Соколова в АДТ, «Обсценению поддается» А. Соколова в Малом театре, «Канкан» А. Галкина в Театре имени В. Маяковского).

Если оставить за скобками несколько пьес современных драматургов, написанных в давнем и недавнем прошлом («Кабинчики», «Первомартовская Энненда», «Дорогая Елена Сергеевна», «Седьмой подиум Геракла»), то выясняется, что все московские драматические театры, вместе взятые, поставили всего три пьесы, посвященные современности («Соучастники» П. Соколова в АДТ, «Обсценению поддается» А. Соколова в Малом театре, «Канкан» А. Галкина в Театре имени В. Маяковского).

Если оставить за скобками несколько пьес современных драматургов, написанных в давнем и недавнем прошлом («Кабинчики», «Первомартовская Энненда», «Дорогая Елена Сергеевна», «Седьмой подиум Геракла»), то выясняется, что все московские драматические театры, вместе взятые, поставили всего три пьесы, посвященные современности («Соучастники» П. Соколова в АДТ, «Обсценению поддается» А. Соколова в Малом театре, «Канкан» А. Галкина в Театре имени В. Маяковского).

Если оставить за скобками несколько пьес современных драматургов, написанных в давнем и недавнем прошлом («Кабинчики», «Первомартовская Энненда», «Дорогая Елена Сергеевна», «Седьмой подиум Геракла»), то выясняется, что все московские драматические театры, вместе взятые, поставили всего три пьесы, посвященные современности («Соучастники» П. Соколова в АДТ, «Обсценению поддается» А. Соколова в Малом театре, «Канкан» А. Галкина в Театре имени В. Маяковского).

Если оставить за скобками несколько пьес современных драматургов, написанных в давнем и недавнем прошлом («Кабинчики», «Первомартовская Энненда», «Дорогая Елена Сергеевна», «Седьмой подиум Геракла»), то выясняется, что все московские драматические театры, вместе взятые, поставили всего три пьесы, посвященные современности («Соучастники» П. Соколова в АДТ, «Обсценению поддается» А. Соколова в Малом театре, «Канкан» А. Галкина в Театре имени В. Маяковского).

Если оставить за скобками несколько

Конструктивный шаг

Представители различных кругов международной общественности, с которыми я встречалась в Женеве в последнее время, приветствуют Заявление М. С. Горбачева по Афганистану, заявляя президента Всемирного Совета Мира Романа Чандра.

Заявление советского руководства является прямым следствием курса ССРР на укрепление мира и углубление доверия между государствами. Оно представляет собой дальнейший вклад в процесс установления нового глобального климата взаимных этапов, которого явились подписание советско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности. Все это придает сильный импульс дальнейшему решению других международных проблемам, в частности урегулированию региональных конфликтов в различных районах мира — на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, Африке и Азии.

Необходимо также отметить, что возможность вывода советских войск показалась в результате успешного осуществления политики национального примирения в Афганистане, прогресса на переговорах между Пакистаном и Афганистаном, других переменах, том числе и во взглядах тех, кто раньше отказывался искать пути прекращения конфликта.

Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по Афганистану будет способствовать успешному завершению афгано-пакистанских переговоров в Женеве в целях урегулирования обстановки вокруг Афганистана, заявил на пресс-конференции президент президиума высшей президентской комиссии по национальному примирению в Афганистане Абду Рахим Хатеф.

Продолжая афганским руководством политику национального примирения, пользуется широкой поддержкой среди населения Афганистана. Претворение ее в жизнь, сказал А. Р. Хатеф, не только способствует достоянию мира внутри страны, но и способствует возвращению на родину сотен тысяч афганцев.

(ТАСС).
ЖЕНЕВА.

(Продолжение. Начало в № 30 января в 6 феврала).

«КАКИМ выразительным все-таки может быть человеческий голос. Поверьши или не поверши человеку, поймешь его или не поймешь — и от голоса многое зависит... Мы переходим из одного зала Национальной галереи Афганистана в другой, смотрим на полотна классиков афганской живописи — Ерешни, Яри, Абду Азиза, Шабзана, и слушаем голос — мягкий, бархатистый бас известного афганского художника Юсуфа Кохзада, выступающего сейчас в качестве викториниста.

В этом человеке запоминается все — и его высокая, чуть суровая фигура, и плавные, неторопливые движения рук, его лица с большими, добрыми глазами, на которых не воистории многое.

Он семь лет проучился живописи в Италии. Заодно посещал курсы режиссера и кинодраматурга в Чикаго, переписывался с Федерико Феллини, вернулся на родину в 1967 году, но и сейчас при необходимости с удовольствием может говорить на хорошем итальянском. Кохзад в своем роде универсал. Всемирно проработал в театре «Кабул наядари», написал 40 драм, из них наиболее известная — «Танец дьявола». Работал как спектаклист на радио и ТВ, преподавал в Школе искусств. Писал и продолжает писать стихи.

Юсуф Кохзад, работающий сейчас национальным управлением инноваций Комитета по культуре Афганистана, много ездит по различным провинциям страны и удивительно сочно описывает находитки на холмах сокровищ античной архитектурной старинки. Напоминает его акварельные портреты афганских женщин, они поражают по-восточному утонченной красотой и женственностью лиц.

Иногда Юсуф Кохзад в шутку называет «последним афганским художником», получившим образование, он сегодня тоже единственным. Многие его собратья по профессии покинули страну после революции. Но будущее наше не в отсутствии гордости и юмора, а в том, что молодые таланты, склоненные к артистике, и увидят прекрасные лица афганской интелигенции.

Юсуфа Кохзада любят и ценят в стране. И все-таки как могло сложиться так, что сегодня среди художников «старой школы» он остался практически один? Почему вообщем-то эти писатели Афганистана?

Конечно, такая открытая и честная политика спутала карты душманской пропаганде, твердившей о «коммунистической блокаде Афганистана». Среди тех деятелей культуры, кто сразу же бескомпромиссно встал на сторону революции, — поэты Ахбар,

и другие вернулись.

Мы перестали создавать стену изоляции вокруг их творчества, мы как бы сказали им: смотрите, родина помнит вас, она не считает вас врагами, двери ее для вас всегда открыты...»

Конечно, такая открытая и честная политика спутала карты душманской пропаганде, твердившей о «коммунистической блокаде Афганистана». Выяснилось, что многие писатели исповедуют «чистое искусство», «живому слову», «живому письму», говорят они, надеясь кто-то пытается защитить их этого «живого слова». Популярных литературных произведений противостояла Афганистана мало и только в номинационном отношении. Среди них просто мало талантливых, говорили мне аф-

ганитригад — они ездят по провинциям, пропагандируют национальное примирение. Они несут в кишлаки свет знаний, выступают с концертами. Душманы поняли, какая это сила, спохватились: стала тоже в оккупированных районах школы открывать, ученики из Пакистана печатают, причем полиграфически выполненные портфолиевые лучше лучше, чем наши. Но что в этих учебниках? Все те же призыва к войне, «священной мести». Они отправляют душу...»

МЕСЯЦА КАУС, ГОДА 1366-го, ВЕКА ХХ...

Гулум Достагир Панджшиди, сейчас он председатель Союза писателей Афганистана (во время прошедшей в конце прошлого года исторической Ляйа джирги, утвердившей новое название страны, он был единственным, кто предлагал оставить старое название).

Конечно, среди тех, кто активно поддержал национальную прессу — более 2 тысяч членов Союза деятелей искусств Афганистана, с руководством которого давалось встреча с ЮНЕСКО. Против этого прежде всего выступали писатели из тех, кто, несмотря на то что он не был единственным, что упрозил им возможностями широконе.

Другая проблема — сопротивление антифашистской прессе со стороны старых представителей культуры, не приемлющих перемен, разинувших и забытых народом пытающейся привлечь молодежь венецианской национальной литературы.

«Вот тогда, например, падре:»

— «Вон из города! — вспомнил Хабиб.

Заведующий сектором Института государства и права АН СССР профессор БОРис МИХАЙЛОВИЧ ЛАЗАРЕВ любезно согласился помочь нам разобраться в некоторых сомнительных наших читателях.

— Борис Михайлович, так ли уж необходим был Указ? Бытует мнение, что анонимки в то же время и рупор критики... Дескать, новые указы просто люди захали.

— Верно — захали, но кому? Ведь подавляющее большинство анонимных писем были ложными.

— «Подавляющее большинство» — понятие парадоксальное. Последние года полтора я близко соприкасалась с этой проблемой, консультировалась в различных концептуальных инстанциях. И на что обратила внимание. Сначала мне говорили, что половина анонимов правдивы. Потом появилось соотношение 1:10. А потом вовсе: лишь 1—2 процента анонимов содержит правду. Уж нет ли тут игры цифрами в «мужном» направлении?

— Я понял вас. Во-первых, независимо от цифр, анонимы — зло и вред обществу. Во-вторых, ваши «подозрения» неосновательны, и вот почему. В разных сферах, в разных регионах характер анонимов разный. Количества анонимов, поступающих, скажем, в ОБХСС, безусловно больше, чем, например, к вам в газету. Важно другое: процент недлинных анонимов очень мал, и количество анонимов, содержащих долю истины, тоже невелико. К тому же, как известно, самая опасная ложь — это та, к которой примешивается доля истины.

Так что Указ по всем юридическим и человеческим нормам несомненно полезен и справедлив.

— Напомню еще об одной молве. Анонимы, дескать, шли в основном из начальников, и вот начальники с помощью Указа их и прикрыли.

— Должен вам сказать, что количество анонимов на министров, секретарей обкомов, председателей облисполкомов, то есть на «высокое начальство», мизерно. В основном анонимами обрушились на непосредственных начальников, на администрацию предприятий и учреждений, на работников аппарата

ПОСЛЕСЛОВИЕ К АНОНИМКЕ

В течение минувшего года наши газеты неоднократно публиковали статьи о проблеме анонимов. Нынче издание Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении дополнений в Указ «О порядке рассмотрения предложений, заявленных и жалоб граждан». То есть юридически вопрос решен. Уже пошли и первые письма, разделась к телефонные зонки в редакции. Наши читатели высказывают не только одобрение, горячую поддержку, но некоторые заявляют и о своих некоторым вопросам.

местных Советов, на коллег по работе.

Так что «молва» ошибочна.

— Вы мне, конечно, совершенно резонно можете сказать, что в первом гласности анонимика недостаточно.

— Она не только недопустима, она во многих случаях просто нелепа. И вредна.

Кстати, с 1 января вступил в силу Закон об обжаловании в суд действий должностных лиц, ущемляющих права граждан. Если жалоба анонимика, она не может быть предметом судебного разбирательства. То есть анонимика здесь сама же себя ставит вне закона.

— Но, кажется, было ведь постановление, запрещающее анонимики.

— Нет, законодательных актов не было. Просто с высадкой трибуны несколько лет назад звучало устное осуждение клеветников-анонимиков.

Напомню, что после всенародного обсуждения проекта Конституции 1977 года было внесено добавление «Преследование за критику запрещается». Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности». (Статья 49 Конституции СССР). Эта статья была направлена на то, чтобы люди могли смелее, гласно критиковать неправильные, по их мнению, действия должностных лиц.

— Ну и он есть. Такой запрет записан в Указе от 12 апреля 1968 года. Но он часто нарушался. Мы задумались: публиковать его или не публиковать? Все-таки это вроде бы анонимика...

— Тут, видимо, надо кое-что объяснить.

— Но все-таки жалобы не редко персылаются «сверху вниз».

— Но я бы обратил ваше внимание и на потом «снизу вверх». На практике бывают, скажем, подобные случаи. Протекла крыша, сразу пишут в Совет Министров, откладывают в получении квартиры, идет письмо прямо в Центральный Комитет. У нас действительно иной вопрос можно решить только с помощью высокой инстанции. Неизвестно пока работают местные органы. Но хочу горячо отговаривать, не приводить слишком много.

А вот, скажем, в Венгрии существует административно-процессуальный кодекс. И там тоже указано, куда вы можете пожаловаться по данному вопросу. А если вы обратитесь сразу в Совет Министров, то там и рассматривать жалобу не станут, сразу перешлют в компетентную инстанцию.

Еще в 1968 году наши юристы предлагали такой порядок ввести у нас. Предложение не было принято. Но в принципе практика такая разумна и естественна. Пример тому — наше судопроизводство. Вы ведь не обращаетесь через голову народного суда Верховный суд СССР или даже в областной с жалобой на действия должностного лица.

— Борис Михайлович, я знаю, что рассматривалась в такой варианте. Человек пишет жалобу и при этом просит, чтобы кроме рассматривавших ее официальных лиц никто его фамилию не знал. Тогда же «стяга подпись». Почему это не нашло отражения в Указе?

— На этот вопрос я отвечаю не могу. Не знаю. Но я это предложение поддержал бы. В данном случае подающий жалобу на анонимика, то есть для закона он не аноним.

— Ну а если бы вы были юристом? И как юрист, и просто как гражданин я однозначно отошел бы к анонимкам. Это — зло!

Данный Указ — одно из проявлений борьбы с нарушениями норм нашей жизни. Необходим жесткий контроль за неукоснительным соблюдением этого требования, и за нарушение его надо сурово называть должностных лиц.

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.

НА ФОТОКОНКУРС • Ю. ЛАРИН. «Конфликты зимы».

ПРОДАНО С АУКЦИОНА

И сорокаградусный мороз не стал помехой аукциону работ художников-любителей, организованному Иркутским отделением Советского фонда культуры.

Выбор на торги был большим: живопись, графика, поэзия из бересты, вышивка, макраме, ювелирные работы из сибирских самоцветов.

По условиям аукциона 50 процентов вырученной суммы авторы проданных произведений передали в Советский фонд культуры. А это 1700 рублей.

И. ДОНСКАЯ.
Иркутск.

Город, который построила нефть

СЕГОДНЯ В КАЛГАРИ

ОТКРЫВАЕТСЯ ХV ЗИМНЯЯ ОЛИМПИАДА

амынью: полтора миллиона долларов на рекламу кандидатуры своего города. В 1979 году они-предприняли третий штурм. Международный олимпийский комитет. На сей раз удачно. В октябре 1981 года на заседании в Баден-Бадене руководители МОК предложили Калгари остальным претендентам на проведение XV Балкан Олимпиады, историзму из труда канадских депутатов победный клич.

Пятью годами раньше в другом городе Страны кленового листа — Монреале — проходились летние Олимпийские игры, оставившие по себе недобрую память у многих канадцев. Хотя тогдашний мэр Монреаля и заверил земляков: «Как мужчины не в состоянии заберечь родину убытками», подсчитав, что это затея не обошлась, тамошние жители прослезились: расходы превысили доходы на миллиард долларов.

Наученные горьким опытом монреальцев, организаторы зимних Игр-88 заручились финансовой поддержкой солидных покровителей из мира бизнеса, да и сами проводили национальную деловую соревновость. С одной линии американской телекомпании Эй-би-си они получают в обмен на право монопольной трансляции с олимпийских трасс и зон 307 миллионов долларов. Словом, по определению канадского журнала «Маклины», грядут самые коммерческие Игры за всю историю Олимпиад. Другого выхода вида нет без многомиллионодолларовой подпитки, уверяет журнальный огонько: просто погас бы.

Что ж, как говорится, дело хозяйское. Тем более что своим землякам устроители зимних Игр обещают первоклассные спортивные сооружения, которых-то хватит не одному поколению местных жителей, в непосредственном участии. Олимпиады — идеальные условия для созиания. Хоккейисты, к примеру, отведут ледовый дворец, чье название («Седло-дом») от английского слова «седло» и крыша (в форме того же седла) передают дух местной жизни.

Лишь одно организаторы Игр в Калгари не в состоянии гарантировать: подобающую погоду, от которой зависит лыжники, саночники и прыгуны с трамплина. Дело в том, что недалеко от столицы Олимпиады в тех самых Скалистых горах, чьи отроги видны с верхушек телебашен, каждую зиму, да и тому же не раз и не два, зарождается теплый циклон, который в считанные часы поднимает температуру воздуха на 20—25 градусов, внося небывалообразную суматошу в местный микроклимат. Шинук — так это звание природы вгляд за индейцами имают местные жители — расплывается лед и снег, выходит из равнинского животного и растительного мира. Поэтому устроители Игр скрывают, поименовав местных погорелых, уединенных и средний пальцы — ах, шинук не испортит олимпийский праздник...

Александр ПАЛЛАДИН.
КАЛГАРИ — МОСКВА.

СИРАНО МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

НОВЫЙ БАЛЕТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Скажите, может ли остроумец братер дуэльян, знаменитый ростовчанин Сирано де Берриквада существовать без слов? Без слов, которые он фантазирует и разит, как шлаг, в котором живет и дышит, возывающей над мелочным миром, в котором только и чувствует себя свободными? Я задал этот вопрос сначала самому себе, а потом повторил его вслух, и Ролан Пети, маэтрский французский балетмейстер, прерывая его с бережающейся легкостью:

— Танцов можно выразить все. Веди, танцуя, Сирано говорит то же, что и Гости. Для меня это экзистенция.

Мы беседуем в тесной гримерной сразу же после репетиции.

В большом театре стоятся новый балет — «Сирано де Берриквада» современного французского композитора М. Константина. Во Франции он поставлен в шестидесятые годы.

Ролан Пети рассказывает, что когда главный балетмейстер Большого театра Юрий Григорович предложил ему сотрудничество на московской сцене, то идея показать советским зрителям спектакль из сюжета Ростана возникла как бы сама собой.

— Персонаж — вот кто определил мой выбор. Ведь Си-

«Музыкальный Олимп»: январь, 1988

«Русские идут — и они несут с собой свою музыку» — этот лаконичный комментарий влиятельного в музыкальном мире журнала «Библиорадио», посвященный недавней трансляции в США радиостанций в СССР «Музыкальный Олимп», вызвал за рубежом заметный интерес в нашей эстраде.

Известный американский музыкальный критик Дж. Бессман отметил в этой связи, что знакомство с современной советской музыкой и соревнование в передаче ТАСС рассказы о популярных советских артистах и их творчестве весьма полезны для американской аудитории.

«Мы убедились, что популярная музыка может с успехом играть роль посла мира в отношениях между народами», — заявил директор крупнейшей заиндикианской радиостанции «Дабл-ю-Э-ви-эн» П. Гудзин.

И как бы в подтверждение их слов на информационно-музыкальные программы ТАСС стали поступать заявки из ФРГ, Финляндии, Чехословакии, Венгрии и других стран.

Конечно, такое внимание к нашей песенной эстраде радует. Ведь до сих пор она изве-

стие за рубежом довольно плохое. К примеру, руководство крупнейшей в Италии компании по распространению грамзаписей «Ригордес» считает, что самой популярной советской песней является сейчас... «Арлекино» в исполнении А. Пугачевой. Что спорить, песня хорошая, но не долговечна ли была ее путь до итальянских слушателей?

И они знают, что говорят: музыкальные программы этой фирмы продолжительностью 2.000 часов разошлись в прошлом году в 50 странах.

Когда же они предложили нам сотрудничество на весьма выгодных для нас условиях, мы могли либо отвечать? Что еще 26 декабря Центральным телевидением было снято драматическое шоу «Тонкие попаданцы», в основе которого положены данные общесоюзного опроса ТАСС за 1987 год, что все артисты с увлечением отклинулись на это новое начинание, но до сих пор программа не смонтирована и не готова для показа? Интересно, хоть к майским президентским телевизионным съездам смогут увидеть этот

прошлогодний «запад» советской эстрады?

Но вернемся на «Музыкальный Олимп». В январе в разные классические победитель не сменился: на вершине Олимпиады — знаменитая пластинка с композицией Г. Свирикова и поэзией А. Пушкина «Метель» и сюита «Время вперед». Ведущими исполнителями в этом эпизоде стали Большой симфонический оркестр ЦТ и ВР под управлением В. Федосова, Государственный академический симфонический оркестр под управлением Е. Светланова, скрипачи В. Синявского, в также Ленинградская хоровая капелла им. М. Глинки под руководством В. Черненко.

Среди эстрадных диско-гигантов лидером общесоюзного опроса осталась выпускавшаяся в «Библиорадио» «Арлекино» — Н. Рубцова.

В эпизоде «Музыкального Олимпа» в «Библиорадио» Арлекино — Н. Рубцова и «Симоня» (музыка и слова В. Кузьмина).

Скорее всего этот миньон пользуется спросом именно благодаря «Библиорадио», который в

хит-параде песен стоит на 4-м месте. («Симоня» — на 30-м). Успех «Библиорадио» еще раз подтверждает, что при любых новых веяниях эстрадной моды задушевность и мелодичность всегда находят отклик у слушателей.

Среди песен, где победители определяются по 10 тысячам открытых, выбранных из тысяч почты, первые три строчки заняли: «Белая ворона» Г. Татарчева и Ю. Рыбникова, «Аллея» — А. Пугачевой и Н. Николаева и «Незнакомка» М. Николаева и П. Жигули.

Что мы выяснили? Пряда же, что сейчас в нашей популярной музыке ощущается острый дефицит новых ярких шлагалов. Все называемые песни постоянно звучат по радио и телевидению уже почти год, в реальной конкуренции им пока не хватает.

Самым популярным исполнителем января опять стала Арлекино. 23 песни в его исполнении набрали в сумме 95 голоса.

Итак, хит-парад продолжает- ся. Ждем новых писем от поклонников музыки.

А. АНДРЕЕВ.
(Корр., ТАСС — специальный для «Советской культуры»).

В опасности «Берендеево царство»

Государственному музею-заповеднику «Щелково» в Костромской области, связанному с жизнью и творчеством А. Н. Островского, угрожает серьезная опасность: всего в восемь километров от могилы великого русского драматурга и писателя погибла аномальная зона.

Согласно